

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(Продолженіе)¹⁾.

ГЛАВА VI.

Передвиженіе плынныхъ изъ Тобольска въ Тару и опредѣленіе ихъ въ военную службу.

Мы почувствовали крайнее уныніе при видѣ столь жестокаго обращенія съ нашими соузниками; притомъ мы испытывали сами безжалостное къ намъ отношеніе, такъ какъ въ теченіе всей зимы насъ не оставляли постоянно двигать все дальше и дальше; особенно смутило насъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго мы должны были совершать пѣшкомъ предстоявшій путь, въ Сибири-же это обстоятельство составляетъ весьма тяжелое условіе, ибо сибирскую зиму невозможно даже сравнивать съ зимою въ Польшѣ; холодъ и морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ настолько обилень, что часто представляетъ пластъ толщиною въ десять локтей (2 $\frac{1}{2}$ сажени).

Мы выступили изъ Тобольска при страшномъ холодѣ, въ мятель; ни слѣда дороги не было видно и мы брели въ снѣгу по поясъ съ величайшимъ трудомъ и горемъ; подвигаясь такимъ образомъ, въ теченіи дня, мы успѣли пройти лишь одну милю и только поздно ночью достигли до какого-то селенія; здѣсь намъ отвели теплыя квартиры и дозволили въ нихъ долго отдыхать утромъ слѣдующаго дня, послѣ утомительной вчерашней дороги. Насъ провожали капитанъ тобольскаго гарнизона и десять человекъ солдатъ; капитанъ этотъ оказался человекомъ разсудительнымъ и добродушнымъ: онъ сообщилъ намъ по секрету, что инструкція, данная ему, разрѣшаетъ требовать подводъ для больныхъ въ случаѣ, если кто изъ насъ заболѣетъ на пути слѣдованія; потому онъ совѣтовалъ намъ постепенно сказываться больными и док-

¹⁾ См. янв. и март. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

ладывать ему объ этомъ чрезъ сержанта, но мы не должны были дѣлать этого всё вдругъ, а постепенно, черезъ каждыя три или четыре стаяціи. Мы были искренно благодарны капитану за это благодѣтельное извѣстіе и немедленно имъ воспользовались. Тутъ-же, въ первомъ селеніи, восемнадцать человѣкъ оказалось больными и капитанъ потребовалъ для нихъ подводъ; въ теченіи дальнѣйшаго пути оказалось, что всё мы постепенно заболѣвали и вслѣдствіе этого пріѣхали въ Тару всё на санихъ. Здѣсь мы встрѣтили конфедератовъ, которые еще до начала зимы были сюда присланы изъ Тобольска; насъ-же послѣ пріѣзда распредѣлили по квартирамъ и объявили, что на другой день насъ отправятъ въ дальнѣйшій путь, еще за 170 миль, въ Иркутскую губернію, и что потому мы должны быть готовы въ дорогу къ означенному времени.

Комендатель города Тары былъ человѣкъ весьма обходительный; по польски онъ говорилъ, какъ природный полякъ. Узнавъ объ этомъ, нѣсколько человѣкъ насъ отправились къ нему съ просьбою, чтобы онъ оставилъ насъ на зиму въ Тарѣ по причинѣ совершеннаго истощенія нашихъ силъ; онъ долго отказывалъ намъ въ исполненіи этой просьбы, но, наконецъ, обѣщалъ удовлетворить ее; вслѣдствіе этого насъ отчислили отъ нашей партіи, которой приказано было собираться въ путь на слѣдующій день.

Несчастные товарищи наши объята были глубокою скорбью, когда имъ было заявлено о необходимости столь далекаго путешествія, пѣшкомъ, среди мятелей, снѣга, холода и мороза. Они сознавали, что находятся уже за нѣсколько сотъ миль отъ границъ отечества и что дальнѣйшее передвиженіе предвѣщаетъ имъ гибель или пожизненное пребываніе на мѣстѣ ссылки; потому, потерявъ всякую надежду на возвратъ въ отечество, они преисполнились отчаянія и печали. Утромъ имъ приказано было выступить въ походъ подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ поручика, сержанта и двѣнадцати солдатъ; они простились съ нами безъ всякой надежды на новую встрѣчу въ будущемъ и отправились въ тягостный и безнадежный путь; при выходѣ составленъ былъ и прочтенъ поименный ихъ списокъ.

Мы-же остались въ Тарѣ и причислены были къ той партіи, которая раньше насъ была прислана сюда на зимовку; намъ тотъ-часъ

отвели квартиры въ городѣ. Тара городъ весьма порядочный, хотя состоить исключительно изъ деревянныхъ домовъ; онъ находится подъ управленіемъ воеводы и отдѣльнаго коменданта города, въ вѣдѣніи котораго находились плѣнные. Комендатъ оказался человѣкомъ весьма вѣжливымъ и гуманнымъ; мы посѣщали его очень часто и онъ бесѣдовалъ съ нами о различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, въ которыхъ ему случалось бывать, отзывался съ одобреніемъ о нашихъ согражданахъ и хвалилъ ихъ развитіе и общительность. Воевода тарекій, слыша эти отзывы коменданта, оказывалъ намъ также дружбу и расположеніе; такимъ образомъ жизнь наша въ Тарѣ въ теченіе зимы прошла довольно спокойно и удобно, тѣмъ болѣе, что мы пользовались здѣсь обычною во всей Сибири дешевизною необходимыхъ для жизни продуктовъ; 10 грошей, которые мы получали суточно, не только были достаточны для нашего прокормленія, но мы могли даже дѣлать нѣкоторыя сбереженія для покупки одежды. Такъ какъ китайскія ткани очень дешевы въ Сибири, то мы по большей части и покупали ихъ для пополненія нашего костюма.

Съ наступленіемъ весны пришло новое предписаніе о томъ, чтобы доставить о насъ точныя свѣдѣнія относительно нашего роста, наружности, цвѣта волосъ и возраста. Немедленно мы призваны были въ канцелярію и здѣсь составлена была требуемая вѣдомость. Мы поняли, что распоряженіе это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу и потому исполнились страха и отчаянія; мы вспомнили, что въ Казани, Тобольскѣ и Тарѣ мы встрѣчали многихъ соотечественниковъ, понавшихъ въ Сибирь еще во время смуты, бывшихъ при королѣ Лещинскомъ (1734); они состарѣлись въ ссылки и потеряли всякую надежду на освобожденіе; ожиданіе такой-же участи смущало насъ неимоверно и наводило на насъ ужасъ.

Когда въ Тарѣ окончили перепись и помѣтили ростъ и возрастъ каждаго, то насъ распредѣлили на двѣ категоріи: болѣе молодыхъ, къ которымъ и я былъ причисленъ, рѣшили сдать въ военную службу въ дѣйствующую армію, болѣе-же пожилыхъ причислить къ мѣстной козацкой милиціи. Вскорѣ составили изъ насъ партію въ 120 человѣкъ и, заказавъ для насъ подводы, приказали собираться въ путь въ го-

родъ Омскъ, гдѣ насъ должны были опредѣлить въ дивизию сибирскихъ драгунъ, расположенную на границѣ съ киргизами.

Такъ какъ уже нѣсколько разъ составлялись подобные списки съ обозначеніемъ нашего возраста и примѣтъ, то мы надѣялись, что и въ этомъ случаѣ дѣло останется безъ послѣдствій, и не предполагали, что дѣйствительно будемъ зачислены въ военную службу. Когда подводы были готовы, насъ созвали по списку и передали подъ начальство особаго офицера и подъ надзоръ отряда солдатъ. Мы отправились въ путь, въ Омскъ, размѣстившись по три человекъ на каждой повозкѣ. Погода была благопріятна и дорога хороша: въ селахъ, гдѣ мы останавливались на ночь, крестьяне постоянно предсказывали, что въ Омскѣ мы облачимся въ драгунскій мундиръ, но мы этому не вѣрили и такъ какъ подобнаго рода разговоры раздражали насъ, то мы бранили хозяевъ. Проѣхавъ таимъ образомъ 25 миль, отдѣляющихъ Тару отъ Омска, мы достигли послѣдняго города въ 10 часовъ утра.

Въ Омскѣ намъ отвели квартиры у мѣстныхъ козаковъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ военныхъ, козаковъ и драгунъ, не имѣется другихъ жителей, такъ какъ городъ этотъ основанъ еще недавно въ качествѣ пограничнаго военного поста. Въ немъ находится довольно сильная крѣпость, состоящая изъ земляныхъ валовъ, а внутри ея множество казармъ для солдатъ, а также домъ генераль-лейтенанта, командующаго цѣлымъ сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль границы на протяженіи 20 миль; за крѣпостью небольшой посадъ, состоящій изъ деревянныхъ домовъ, принадлежащихъ семейнымъ козакамъ, которые несутъ военную повинность пограничной службы. Среди города протекаетъ рѣка Омъ, на которой построенъ довольно прочный мостъ, за городомъ-же большая рѣка Иртышъ, противоположный берегъ которой представляетъ пустынную степь, принадлежащую киргизамъ. Сибирскій корпусъ находится подъ управленіемъ двухъ генераль-маіоровъ и подъ главнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта. До нашего пріѣзда умеръ генераль-лейтенантъ, но фамилія Шпрингеръ, и должность его временно исправлялъ старшій генераль-маіоръ—Станиславскій, родомъ полякъ. Намъ приказано было явиться къ нему и онъ объявилъ намъ, что получилъ приказъ изъ военной коллегіи, предписывающій всѣхъ насъ зачислить въ военную службу и расиредѣлить въ различные полки сибирскаго

корпуса. Мы обратились къ нему съ настоятельными просьбами о томъ, что-бы онъ освободилъ насъ отъ этой участи, но просьбы наши оказались безуспѣшными, ибо удовлетвореніе ихъ выходило за предѣлы власти, предоставленной генералу Станиславскому: онъ однако обонелся съ нами благосклонно и милостиво и обѣщаль оказывать намъ вниманіе и возможное покровительство послѣ опредѣленія насъ на службу. Насъ выстроили въ два ряда и, распредѣливъ на группы по 9 до 30 человекъ, каждую отправляли въ иной полкъ. Девять человекъ, въ числѣ которыхъ находился и я, зачислили въ ревельскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ Омскѣ, другія-же партіи, человекъ въ 12 до 30, распредѣлили въ другіе полки, расположенные вдоль всей границы. Затѣмъ насъ повели въ церковь и приказали намъ исполнить присягу на вѣрность службы; никто изъ насъ не захотѣлъ присягать и хотя офицеры уговаривали насъ довольно ласково, но убѣжденія ихъ на насъ не подѣйствовали. Послѣ выхода изъ церкви, мы были окружены нѣсколькими взводами солдатъ, которые препроводили насъ подъ арестъ, при чемъ насъ посадили по два человека. Мы провели день и ночь безъ пищи и на слѣдующее утро каждую пару отдѣльно опять повели въ церковь и потребовали исполненія присяги; но всѣ мы отказались отъ нея, при чемъ мы поставляли на видъ, что уже присягали на вѣрность своему отечеству и обязаны сохранить данную клятву. Насъ опять вывели изъ церкви и посадили подъ арестъ, но уже не попарно, а каждаго отдѣльно, такъ что одинъ не зналъ о мѣстѣ заточенія другаго; намъ отпускали каждому по фунту хлѣба и по кружкѣ воды въ сутки. На третіе сутки каждаго отдѣльно приводили въ церковь и вновь склоняли къ принятію присяги; когда-же и теперь мы отказались, то вновь насъ соединили всѣхъ вмѣстѣ и отправили подъ арестъ въ общую камеру. Здѣсь мы оставались въ теченіи шести недѣль, получая вышеозначенныя порціи хлѣба и воды; каждый день къ намъ заходили офицеры и убѣждали насъ принять присягу, но всѣ ихъ усилія оказывались тщетными. Товарищи наши, отправленные въ другіе полки, хотя находились на значительномъ отъ насъ разстояніи, но, подобно намъ, отказались приносить присягу и равнымъ образомъ были посажены подъ арестъ. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, насъ вывели на площадь, гдѣ заготовлены были кнуты, плети и налки; послѣ наказа-

нія мы наконецъ заявили согласіе принести присягу. Въ другихъ полкахъ нѣкоторые товарищи наши заупрямились до такой степени, что претерпѣли по 800—1500 палочныхъ ударовъ, и только, подвергшись вторично такому-же наказанію, едва согласились исполнить присягу. Послѣ того какъ мы принуждены были поступить въ военную службу, прислана была изъ Тобольска новая партія, заключающая болѣе ста человекъ, которая также была распределена въ различные полки; затѣмъ такой-же участи подверглись и другія партіи конфедератовъ, которыя направлены были, минуя Тобольскъ, прямо въ нашъ корпусъ.

Совершенно другое назначеніе получили тѣ 170 человекъ, которые еще зимою отправлены были изъ Тары въ Иркутскъ. Достигнувъ мѣста своего назначенія, они поселены были въ различныхъ слободахъ въ домахъ мѣстныхъ крестьянъ; имъ прекращена была выдача денегъ на содержаніе и приказано было помогать хозяевамъ въ исполненіи сельскихъ работъ, послѣднимъ-же предписано заботиться о ихъ прокормленіи. Они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ такомъ положеніи, но не только не принялись за работу, а напротивъ до того угнетали своихъ хозяевъ, что послѣдніе предложили имъ даромъ продовольствіе подъ условіемъ, чтобы они лишь вели себя спокойно; ибо когда вначалѣ хозяева хотѣли ихъ голодомъ принудить къ исполненію работъ, то конфедераты предалися отчаянію, стали буйствовать, заводить драки, насильно брать хлѣбъ и похищать всякую живность, какую только удалось имъ захватить. Такимъ поведеніемъ они заставили крестьянъ выдавать себѣ продовольствіе даромъ и смотрѣть на своихъ жильцевъ со страхомъ, словно на военную экзекуцію. Вслѣдствіе такихъ отношеній жители обратились съ прошеніемъ къ губернатору, въ которомъ изъясняли, что они не только не получаютъ отъ поляковъ никакой помощи въ хозяйствѣ, но испытываютъ отъ нихъ постоянно невыносимыя и тягостныя безпокойства и потому просятъ удалить ихъ изъ своихъ жилищъ. Вслѣдствіе этого прошенія губернаторъ приказалъ возвратити плѣнныхъ въ Иркутскъ и размѣстити ихъ въ городѣ на квартирахъ. Въ это время проживалъ въ Иркутскѣ бывшій русскій офицеръ, разжалованный въ солдаты за какую-то вину; онъ объяснилъ нашимъ товарищамъ, что тѣ распоряженія, которыя къ нимъ примѣняются, исходятъ отъ тобольскаго генераль-губернатора, управляющаго

всею Сибирью и изданы имъ исключительно по собственному почину и усмотрѣнію; онъ совѣтовалъ имъ послать жалобу самой государынѣ, основываясь на общемъ законѣ, по которому власти обязаны всякое прошеніе отъ обиженнаго лица принять и отослать по назначенію, если оно написано, какъ это оффиціально называется, „на имя государыни“; онъ научилъ ихъ притомъ, чтобы они постарались проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ губернаторъ съ ассессорами засѣдаетъ для обужденія дѣлъ, прибавивъ, что въ залѣ этомъ они увидятъ императорское кресло, надъ которымъ виситъ портретъ императрицы, что передъ этимъ кресломъ слѣдуетъ положить запечатанный пакетъ на имя государыни, въ которомъ можетъ быть помѣщена жалоба на причиненныя имъ обиды, и что этотъ пакетъ неминуемо губернаторъ обязанъ будетъ отправить въ Петербургъ. Земляки наши въ точности исполнили инструкцію и нашли возможность проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ и положили пакетъ передъ императорскимъ кресломъ; губернаторъ вскочилъ изъ-за стола въ сильномъ смущеніи, но долженъ былъ не медля отослать жалобу въ Петербургъ, откуда и получено было предписаніе, чтобы плѣннымъ улотить содержаніе, удержанное въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отправить ихъ на подводахъ гъ Тобольскъ и тамъ оставить въ покоѣ, продолжая выдавать содержаніе впредь до дальнѣйшаго распоряженія военной коллегіи.

Между тѣмъ мы, оставаясь въ военной службѣ, должны были готовиться къ походу, ибо внезапно полученъ былъ приказъ, предписавшій всему нашему корпусу выступить поспѣшно въ погоню за калмыками. Калмыки, кочевавшіе въ большемъ количествѣ около Оренбуга, гдѣ имъ принадлежала обширная полоса степи, получили въ 1771 году приказъ отправиться въ походъ для соединенія съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ; ибо калмыки, подобно донскимъ козакамъ и башкирамъ, обязаны нести въ пользу государства военную службу и выступать по каждому требованію въ военный походъ; въ случаѣ выступленія ихъ снабжаютъ артиллеріею, что сдѣлано было и на этотъ разъ. Ханъ калмыцкій, по имени Бамбура, собравъ 40,000 войска, вмѣсто того, чтобы отправиться въ армію, рѣшился двинуться въ Китай. Когда объ этомъ узнали въ Петербургѣ, немедленно приказали корпусамъ оренбургскому

и сибирскому отправиться поспѣшно въ погоню за калмыками. Последнiе между тѣмъ быстрыми переходами стремились къ границамъ области киргизовъ, полагая, что этотъ путь будетъ для нихъ самый удобный. Оренбургскій корпусъ, состоявшій изъ 10,000 человекъ, долженъ былъ идти вслѣдъ за ними, нашему-же сибирскому корпусу, состоявшему изъ 12,000 человекъ, предписано было преградить имъ путь; притомъ киргизамъ послано было распоряженiе, чтобы они не пропускали калмыковъ черезъ свою область. Но калмыки двигались весьма быстро; они отодвинулись далеко отъ оренбургскаго корпуса и опередили даже на значительное разстоянiе насъ, отправившихся имъ на встрѣчу. Когда киргизы отказали имъ въ пропускѣ, они сразились съ ними, положили на мѣстѣ нѣсколько тысячъ, овладѣли свѣжими киргизскими лошадьми и, оставивъ своихъ, двинулись поспѣшно въ дальнѣйшiй путь. Мы пошли вслѣдъ за ними также ускореннымъ маршемъ черезъ область киргизовъ по совершенно пустынной степи, безъ признака какой-либо дороги, гдѣ киргизы служили намъ проводниками. Время было жаркое, между тѣмъ степь оказалась совершенно безводною, такъ что по 2, 3 и даже 4 дня мы оставались безъ воды; отъ жажды погибло у насъ множество лошадей и людей и еще больше поражено было болѣзнями. Не смотря на это, мы шли быстро впередъ и стали уже настигать калмыковъ, такъ что останавливались на ночь на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ они на кануи ночевали. Мы прошли такимъ образомъ землю киргизовъ и вступили въ область бухарскихъ татаръ, которые занимаютъ довольно небольшую полосу земли и подобно киргизамъ живутъ въ пустынной, вовсе незаселенной степи. Пройдя Бухарiю, мы вступили въ страну ташкентскихъ татаръ; область эта гораздо богаче и изобилуетъ необходимыми для жизни произведенiями; жители живутъ въ домахъ, занимаются земледѣлiемъ и торговлею; между ними есть богатые купцы, ведущiе торговлю золотыми издѣлiями, жемчугомъ и дорогими камнями. Страною управляетъ самостоятельный ханъ, которому жители даютъ дань по большей части въ натурѣ — скотомъ и мѣхами. Мы прошли ташкентскую область, не будучи въ состоянiи настичъ калмыковъ, и вступили въ предѣлы хивинскiе. Хивинцы обитаютъ среди скалъ въ гористой мѣстности; народъ этотъ живетъ очень бѣдно и главныя средства пропитанiя добываетъ охотою; дичи въ странѣ очень много,

въ томъ числѣ часто встрѣчаются дорогіе пушныя звѣри: соболи, куницы и прекрасныя лисицы, называемыя у насъ „крыжаками“. Въ хлѣбѣ и домашнемъ скотѣ хивинцы сильно нуждаются и хозяйство ихъ не доставляетъ имъ достаточныхъ средствъ для пропитанія, особенно зимою, когда холодъ въ этой странѣ бываетъ весьма сильный. У нихъ также есть самостоятельный ханъ, которому они даютъ ясакъ, т. е. дань отъ продуктовъ звѣриной ловли. Въ предѣлахъ хивинскихъ мы наконецъ надѣялись настичь калмыковъ, отъ которыхъ насъ отдѣляла только гряда скалистыхъ горъ; но пока мы кружились, обходя ея подошву, калмыки ускользнули, направившись прямо къ границѣ по маленькой тропинкѣ, пролежавшей надъ горнымъ обрывомъ, по берегу рѣки Бахтармы. По тропинкѣ этой пѣшіи человекъ едва можетъ пройти; между тѣмъ калмыки успѣли провести по ней лошадей и затѣмъ, спустившись на равнину, поспѣшно переправились черезъ Бахтарму—одни на паромахъ, другіе вплавъ; по ту сторону рѣки они достигли наконецъ китайскихъ предѣловъ.

Такъ какъ мы не имѣли приказанія дальше преслѣдовать калмыковъ, то остановились на берегу Бахтармы для отдыха. Во время этой стоянки 39 человекъ поляковъ, тяготившихся военною службою, въ теченіи ночи переправились черезъ рѣку и бѣжали въ Китай. Отдохнувъ два дня, мы отправились въ обратный путь. Въ теченіе всего похода мы питались исключительно сухарями, истолченными въ порошокъ, которыми насъ снабдили при выступленіи. Возвращались мы сначала по тому-же пути, по которому раньше слѣдовали, потомъ повернули въ пустынную степь, гдѣ вновь пришлось нѣсколько дней сряду оставаться безъ воды, пока, послѣ перехода въ 20 миль, мы не достигли Семипалатинска. Мѣсто это названо такъ потому, что на немъ находятся развалины какихъ-то семи дворцовъ или палатъ. Мы осматривали эти развалины, но такъ какъ жителей въ этой мѣстности нѣтъ, то мы не могли узнать, кто воздвигнулъ эти постройки. Оттуда уже не далеко къ берегамъ Иртыша и къ русской границѣ, которой мы достигли въ теченіи нѣсколькихъ дней, совершая переходы весьма поспѣшно, потому, что провіантъ нашъ сталъ истощаться.

Въ Омскѣ мы застали новую партію конфедератовъ въ 120 человекъ, присланную изъ Казани для зачисленія въ военную службу въ

сибирскій корпусъ. Имъ отвели квартиры и приказали на другой день являться для исполненія присяги, но они, не дождавшись утра, похитили ночью у козаковъ, въ домахъ которыхъ квартировали, нѣсколько оружія и зарядовъ, перенравились черезъ Иртышъ и ушли къ киргизамъ, полагая такимъ путемъ возвратить себѣ свободу, но надежда обманула ихъ и они попали въ гораздо болѣе тяжелую неволю: киргизы взяли ихъ въ плѣнъ, однихъ продали ташкентцамъ, другихъ-же заставили пасти свои стада; впоследствии четыре человѣка изъ ихъ числа бѣжали обратно въ Омскъ и весьма подробно сообщили о своей неудачѣ и ея послѣдствіяхъ.

Область киргизовъ простирается слишкомъ на сто миль въ ширину, въ длину-же ея протяженіе еще больше. Киргизы обитаютъ здѣсь среди пустынной степи; они не имѣютъ домовъ, не занимаются вовсе земледѣіемъ и не употребляютъ въ пищу хлѣба—ѣдятъ исключительно мясныя и молочныя яствы, которыя имъ доставляютъ многочисленныя, принадлежащія имъ стада; не рѣдко одинъ хозяинъ киргизъ владѣетъ 5,000 барановъ, 2,000 рогатаго скота, свыше тысячею лошадей и 300—400 верблюдовъ. Жилища киргизовъ устроены въ видѣ палатокъ, покрытыхъ войлокомъ; они укрѣпляютъ въ землю жерди, связанныя желѣзными завѣсами, сверху кладутъ на нихъ стропила, также снабженныя завѣсами, и поверхъ этой постройки протягиваютъ съ боковъ и по верху войлокъ, оставивъ лишь одно отверстіе для выхода дыма; очагъ они устраиваютъ посреди палатки; варятъ мясо въ котлахъ, по большей части желѣзныхъ, и пьютъ мясной отваръ маленькими деревянными чашечками, едѣланными по образцу китайскихъ; затѣмъ съѣдаютъ самое мясо. Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, ибо многочисленныя стада требуютъ частыхъ передвиженій для прокормленія ихъ подножнымъ кормомъ. Во время передвиженія они собираютъ свои жилища и нагружаютъ ими верблюдовъ, а затѣмъ переходятъ на новую стоянку, иногда десятка за два миль, высмотрѣвъ предварительно обильное пастбище. Въ одномъ мѣстѣ никогда не останавливается болѣе 6—7 хозяевъ, ибо и такое число ихъ нуждается въ пастбищѣ на нѣсколько миль въ окружности. Денегъ они не употребляютъ и не берутъ, потому что все нужное они пріобрѣтаютъ мѣною за скотъ; эту мѣновую торговлю киргизы постоянно ведутъ съ русскими; по временамъ они при-

гоняють нѣсколько десятковъ тысячъ скота на берега Иртыша, къ нимъ переправляются русскіе и промѣниваютъ различные товары исключительно на лошадей и барановъ, при чемъ получаютъ огромную выгоду, ибо за предметъ дешевый, цѣною въ нѣсколько золотыхъ, они пріобрѣтаютъ въ обмѣнъ скотъ въ 10 разъ большей стоимости. Бараны киргизскіе очень крупныя, одинъ хвостъ ихъ вѣситъ больше $\frac{1}{2}$ пуда; такого барана можно получить въ обмѣнъ за топоръ, не смотря на то, что топоры въ Сибири очень дешевы и штука продается по 20 грошей. Русскіе купцы пріѣзжаютъ на эти ярмарки за 100 миль и даже дальше; ярмарки-же происходятъ исключительно лѣтомъ, — зимою онѣ невозможны, ибо въ это время года скотъ киргизскій сильно тощаетъ и падаетъ въ цѣнѣ, потому что зимою онъ долженъ добывать себѣ подножный кормъ, разбивая копытами снѣгъ; вслѣдствіе этого въ зимнее время киргизы выгоняютъ на пастбище прежде всего лошадей, затѣмъ рогатый скотъ и по слѣдамъ только послѣдняго барановъ и овецъ; такъ какъ въ степи трава довольно высока, то животныя могутъ ее добыть изъ-подъ снѣга, тѣмъ не менѣе множество ихъ околѣваетъ, остальные-же сильно худаютъ, но потомъ лѣтомъ они откармливаются весьма быстро сочными степными травами.

Мы видѣли хана киргизовъ, по имени Абтай-султана; онъ былъ одѣтъ въ старинный костюмъ, пошитый изъ богатой кятайской ткани черной, перетканной золотыми цвѣтами. Обыкновенно киргизы носятъ костюмъ довольно простой; но непремѣнная принадлежность его — узкій ременный поясъ, украшенный металлическими шнуровицами, у котораго на цѣпочкѣ привѣшенъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; поясъ этотъ они надѣваютъ на всякое платье — простое и даже атласное. Число киргизовъ обоюга пола не превосходитъ 300,000; въ странѣ ихъ намъ не случалось видѣть ни одной мечети. Бухарцы, по странѣ которыхъ мы проходили, ничѣмъ не отличаются отъ киргизовъ, и потому я считаю излишнимъ описывать ихъ отдѣльно.

Вдоль киргизскихъ границъ расположены были на протяженіи 20 миль всѣ драгунскіе полки нашего корпуса, въ которыхъ распределены были плѣнные поляки. Мы оставались въ полкахъ этихъ въ теченіи года, пока не прибылъ изъ Петербурга генераль-лейтенантъ Деколонъ, назначенный корпуснымъ генераломъ на мѣсто генерала Шприн-

гера. Онъ немедленно переформировалъ весь нашъ корпусъ, состоявшій до того времени исключительно изъ кавалеріи. Генераль Деколонъ раздѣлилъ корпусъ на семь легкихъ конныхъ командъ и на семь пѣшихъ баталіоновъ: въ составъ каждой легкой команды вошли двѣ роты мушкетеровъ, рота егерей и рота драгунъ; каждая такая команда состояла подъ начальствомъ маіора; каждый баталіонъ состоялъ также подъ начальствомъ отдѣльнаго штабъ-офицера и въ составъ его входили семь ротъ пѣхоты. Всѣ поляки были зачислены въ пѣхотныя команды, въ которыхъ служили въ теченіи трехъ лѣтъ.

Товарищи наши, оставшіеся въ Тобольскѣ, не были опредѣлены въ военную службу и находились сравнительно въ выгодномъ положеніи: они получали достаточное содержаніе и пользовались свободою. Въ Казань присылали постоянно новые отряды плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ нѣсколько маршаловъ, а именно пановъ: Зелинскаго, Сѣнявскаго, Кадлубовскаго, Малевскаго и другихъ. Вслѣдствіе скопленія конфедератовъ въ Казани, ихъ оттуда пересылали на жительство въ Оренбургъ, Тобольскъ, Хлыновъ и Симбирскъ. Среди плѣнныхъ постоянно слышались жалобы на измѣнническое поведеніе собственныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе, преслѣдуя исключительно личные интересы, причинили своему народу немаловажныя бѣдствія: они вербовали согражданъ въ конфедерацию, а потомъ измѣннически продавали свои отряды въ плѣнъ русскимъ, подвергая такимъ образомъ однихъ смерти, другихъ продолжительной неволѣ.

Въ это время бѣжалъ изъ Казани капитанъ конфедератскій Беневскій, который прежде въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадька и имѣлъ чинъ обереть-лейтенанта. Онъ составилъ себѣ подложные документы и, подъ видомъ курьера, уѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ сталъ доказывать, что его взяли въ плѣнъ по ошибкѣ и начальство уже намѣрено было освободить его совершенно; но вдругъ обнаружилось подробности его бѣгства; онъ былъ вновь арестованъ и сосланъ въ Сибирь—въ Камчатку на вѣчное поселеніе. Въ Камчаткѣ Беневскій просидѣлъ годъ въ темницѣ, потомъ былъ отпущенъ на квартиру и получилъ право свободно ходить по городу; онъ вошелъ притомъ въ милость къ мѣстному коменданту и часто посѣщалъ его домъ. Между тѣмъ онъ постоянно обдумывалъ средства для своего освобожденія; съ

этою цѣлью, еще находясь въ темницѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ уголовными преступниками, которыхъ нѣсколько сотъ содержалось въ тюрьмѣ, и уговорилъ ихъ къ бѣгству при удобномъ случаѣ. Городъ, въ которомъ онъ находился, лежитъ у морскаго залива; случилось, что къ гавани пристали два судна, на которыхъ прибыли два воеводы съ казною, состоявшею изъ серебра и соболей; тогда Беневскій открылъ двери тюрьмы арестантамъ и, освободивъ ихъ, напалъ на гауптвахту, перебилъ солдатъ вмѣстѣ съ комендантомъ, захватилъ оружіе и овладѣлъ упомянутыми двумя суднами, равно какъ и находившеюся на нихъ казною. Онъ снялся съ якоря вмѣстѣ съ своими товарищами и, такъ какъ хорошо зналъ морское дѣло, то благополучно успѣлъ бѣжать во Францію. Русскіе погнались было за нимъ въ погоню, но не могли ни настичь его, ни отыскать ¹⁾).

¹⁾ Графъ Августъ-Маврикій Беневскій принадлежалъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ и неразборчивыхъ на средства авантюристовъ, которыми изобиловало европейское общество конца XVIII столѣтія. Онъ былъ сыномъ польскаго шляхтича, дослужившагося генеральскаго чина въ австрійской службѣ и получившаго за женою значительныя помѣстья въ Венгріи. Получивъ хорошее воспитаніе, Беневскій служалъ сначала въ австрійской арміи, потомъ вызванъ былъ въ Польшу дядею, который оставилъ ему значительное наслѣдство; затѣмъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіи по западной Европѣ и возвратившись въ Польшу, принялъ дѣятельное участіе въ барской конфедераціи; во время осады Кракова взятъ былъ въ плѣнъ русскими войсками и сосланъ въ Казань. Бѣжавъ оттуда съ фальшивою подорожною въ Петербургъ, онъ арестованъ былъ вновь и въ наказаніе за побѣгъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, благодаря расположенію губернатора Нилова, дѣтямъ котораго онъ преподавалъ иностранныя языки, онъ пользовался полною свободою, успѣлъ составить заговоръ среди ссыльныхъ поселенцевъ, овладѣлъ небольшою крѣпостцею и захвативъ судно, стоявшее на рейдѣ, нагружилъ его позищенными въ крѣпости оружіемъ, припасами и казною и отправился въ сопровожденіи 75 товарищей въ море. Бѣглецы достигли китайской гавани Макао, откуда Беневскій переѣхалъ во Францію. Три года спустя онъ отправился по порученію французскаго правительства на Мадагаскаръ съ цѣлью основать на этомъ островѣ французскія колоніи. Порученіе это Беневскій выполнилъ удачно, но вскорѣ возымѣлъ мысль образовать на Мадагаскарѣ самостоятельное королевство; благодаря ловкой его интригѣ, нѣкоторые туземныя племена провозгласили его своимъ королемъ. Когда-же французское правительство воспротивилось этой затѣѣ, Беневскій обратился за помощію въ Англію и пытался поддержать свои притязанія оружіемъ,

ГЛАВА VII.

О присоединеніи нѣкоторыхъ поляковъ къ православію, о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, и о бунтѣ Пулякова.

Количество плѣнныхъ поляковъ постоянно возрастало и изъ ихъ числа уже нѣсколько тысячъ было зачислено въ военную службу; послѣднимъ объявлено было слѣдующее предложеніе: если кто пожелаетъ присоединиться къ православію, то будетъ освобожденъ отъ военной службы и получить 18 рублей на обзаведеніе. Многіе поляки приняли это предложеніе, особенно-же склонились къ нему лица изъ простолюдинъ, смотрѣвшія на сдѣланное имъ предложеніе какъ на величайшее для себя благо, долженствовавшее обезпечить ихъ свободу и благосостояніе; ежедневно отъ 6 до 10 человекъ являлись въ канцелярію съ просьбою присоединить ихъ къ православію; желаніе ихъ немедленно исполнялось, при чемъ они получали увольненіе отъ военной службы и обѣщанную сумму. Такимъ образомъ перешли въ православіе въ Тобольскѣ 180 человекъ, въ Тарѣ—50, въ Тюмени—75, въ Иркутскѣ—8, въ Епанчинѣ—20, въ Казани—96; затѣмъ они по большей части женились и принялись за различныя занятія и промыслы.

Въ томъ-же году сильная зараза распространилась въ Россіи; въ Кіевѣ перемерла значительная часть народонаселенія, въ томъ числѣ до 10,000 рекрутъ, пересылавшихся въ армію; многіе дома, въ которыхъ вымерли всѣ жильцы, были наглухо заколочены; въ то время въ Кіевѣ было до 800 турокъ и 150 поляковъ изъ числа военноплѣнныхъ, которыхъ вообще насчитывали свыше 20,000 однихъ турокъ; тѣ и другіе обязаны были ежедневно копать могилы для умершихъ а

но въ одной изъ стычекъ съ французскими войсками былъ убитъ (въ маѣ 1786 г.). За два года до смерти Бевевскій написалъ пространныя записки на французскомъ языкѣ: «Aventures et voyages du comte Maurice-Auguste Beniowski», изданныя впоследствии въ Парижѣ (1791 г.) Въ сочиненіи этомъ авторъ описываетъ весьма подробно свое пребываніе въ плѣну, бѣгство изъ Камчатки и исторію своего мадагаскарскаго королевства, вводя впрочемъ въ разсказъ множество романическихъ и эффектныхъ вымышленныхъ обстоятельствъ. Записки Бевевскаго изданы были въ переводѣ на языки англійскій, нѣмецкій (1797 г.) и польскій (1802 г.).

также увозить изъ домовъ и зарывать трупы; но не смотря на это, никто изъ турокъ, ни поляковъ не былъ пораженъ заразою. Въ Москвѣ погибло тогда отъ чумы до 100,000 жителей; болѣзнь эта свирѣпствовала и въ другихъ городахъ и прекратилась лишь зимою послѣ новаго года.

Въ исходѣ третьяго года службы моей въ сибирскомъ корпусѣ, 9 сентября 1773 года, получилъ былъ приказъ, предписывавшій нашему корпусу немедленно отправляться въ Оренбургъ. Того-же дня въ полночь мы выступили все въ походъ: артиллерія, пѣшія команды и легкая кавалерія. Причиною столь поспѣшнаго выступленія были волненія, вспыхнувшія тогда въ Россіи; поводъ къ нимъ подалъ Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ, родомъ донской козакъ. Онъ служилъ въ войскѣ около 30 лѣтъ, но, вслѣдствіе того, что турецкая кампанія еще продолжалась, онъ не могъ дожидаться отставки и дезертировалъ; затѣмъ былъ пойманъ, наказанъ согласно съ военными законами и опять отправленъ въ военную службу, изъ которой бѣжалъ вторично; тогда его исключили изъ военной службы и приговорили къ вѣчной ссылкѣ. Находясь въ пересылочной тюрьмѣ въ Казани въ обществѣ другихъ уголовныхъ преступниковъ, онъ нашелъ возможность бѣжать и отправился въ оренбургскую область къ яицкимъ козакамъ, живущимъ на рѣкѣ Яикѣ, вдоль киргизской границы, которую они обязаны оберегать. Онъ былъ принятъ здѣсь весьма радушно; яицкіе козаки въ то время сильно раздражены были столкновеніемъ съ властями: не получивъ жалованья въ теченіи двухъ лѣтъ, они подняли было возстаніе противъ мѣстнаго губернатора, но были усмирены и многіе наказаны смертю, или вѣчною ссылкою; оставшіеся были недовольны такимъ исходомъ дѣла и выжидали лишь благоприятнаго случая для новаго бунта. Въ это именно время явился среди ихъ Пугачевъ; такъ какъ онъ отличался изворотливымъ умомъ и притомъ былъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, ибо принималъ участіе во многихъ походахъ, и служилъ въ арміи въ теченіи всей семилѣтней войны съ прусскимъ королемъ, то яицкіе козаки провозгласили его своимъ вождемъ и пустили молву въ народъ, будто императоръ Петръ Федоровичъ, освободившись изъ заточенія, явился къ нимъ искать помощи. Собралъ до 40,000 козаковъ и пользуясь тѣмъ, что вся русская армія занята была турецкимъ походомъ,

Пугачевъ имѣлъ возможность овладѣть разными городами и присоединить ихъ гарнизоны къ своему ополченію. Такъ какъ притомъ онъ называлъ себя самозванно императоромъ, то крестьяне изъ многихъ волостей отправляли къ нему депутаціи и признавали надъ собою его власть. Вся почти оренбургская губернія, простирающаяся на 100 миль въ длину, подчинилась его господству и подобно другимъ, признавшимъ его мѣстностямъ, доставляла рекрутъ для его войска. Затѣмъ башкирская область, простирающаяся на 70 миль въ длину и въ ширину, присягнула ему на вѣрность; управлявшіе ею два полковника, отказавшіеся признать Пугачева императоромъ, были повѣшены, и башкиры составили ополченіе въ 26,000 человекъ, которое присоединилось къ арміи мятежника; послѣдній усилился еще болѣе, овладѣвъ пушками и запасами пороха и военныхъ снарядовъ, находившимися въ оренбургской губерніи.

Для противудѣйствія этому возстанію мы отправились ускореннымъ маршемъ; нѣкоторыя части нашего корпуса оставлены были на пути для того, что-бы преградить Пугачеву возможность отступленія, остальные-же направились къ Оренбургу, гдѣ были сосредоточены главныя силы бунтовщика. Подъ предводительствомъ генерала Деколона изъ Сибири прибыло туда 11,000 войска. Здѣсь мы соединились съ пришедшимъ раньше насъ корпусомъ московскимъ, состоявшимъ изъ 22,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Бибикова, и съ остатками оренбургскаго корпуса, въ 6,000 человекъ, которые не были еще захвачены Пугачевымъ. Главное начальство, вслѣдствіе неожиданно случившейся смерти генерала Бибикова, принялъ генераль Голицынъ. Когда всѣ войска наши были стянуты, мы пошли на встрѣчу значительнымъ силамъ врага и вступили съ ними въ продолжительное сраженіе; обѣ стороны понесли значительныя потери убитыми и ранеными, но, наконецъ, намъ удалось разрушить шанцы непріятели и послѣ кровопролитнаго боя мы его успѣшно выбили изъ укрѣпленій. Поле битвы осталось за нами, при чемъ мы взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, боевые припасы и несмѣтную добычу, нагроможденную въ лагерь мятежниковъ; въ погоню за разбѣжавшимися врагами командированы были во всѣ стороны отряды. Впрочемъ въ битвѣ этой убито было много солдатъ и въ томъ числѣ однихъ поляковъ легло до 400 человекъ.

Пугачевъ раздѣлилъ послѣ битвы свое ополченіе на нѣсколько частей, вѣдствие чего и наша армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые отправились преслѣдовать мятежниковъ. Самъ Пугачевъ подступилъ подъ крѣпость Татишеву, защищаемую слабымъ гарнизономъ, и предложилъ коменданту, бригадиру Бѣлову, сдаться ему на извѣстныхъ условіяхъ, но Бѣловъ отказался вступать въ какіе-бы то ни было переговоры. Тогда Пугачевъ взялъ крѣпость приступомъ; съ Бѣлова содрана была кожа, женѣ-же его отрѣзали груди и затѣмъ ее растерзали лошадьми. Обрато наши войска заняли большую слободу Шадринь, жители которой примкнули къ Пугачеву; все народонаселеніе слободы было перебито. Вообще всѣхъ, признавшихъ власть Пугачева, войско предавало смерти, тѣ-же, которые отказывались его признать, подвергались той-же участи по его приказанію. Эта жестокая война навела ужасъ на всѣхъ спокойныхъ жителей, которые находились въ страхѣ и подвергались крайней опасности какъ отъ одной, такъ и отъ другой стороны.

Выступивъ изъ Шадрини, мы ожидали, что Пугачевъ будетъ насъ атаковать съ сильнымъ отрядомъ, но оказалось, что лазутчики наши сообщали намъ ложное извѣстіе, ибо Пугачевъ, оставшись позади насъ, взялъ приступомъ крѣпость Троицкую и ограбивъ городъ, перебилъ всѣхъ жителей; участь эту раздѣлили и поляки, находившіеся въ составѣ гарнизона. Когда получено было это извѣстіе, генераль Деколонъ бросился въ ту сторону съ отрядомъ въ 4,000 человекъ столь поспѣшно, что пѣхота принуждена была пройти въ теченіи дня 6 миль. Мы пришли подъ Троицкую на разсвѣтъ; войско Пугачева предавалось пьянству и разврату; потому на встрѣчу намъ вышелъ только отрядъ въ 500 козаковъ подъ начальствомъ полковника Бородина, но и они были совершенно пьяны и потому всѣ погибли въ сѣчѣ. Мы пошли на приступъ двумя колоннами и успѣшно проникли въ крѣпость съ двухъ сторонъ; мы застали бунтовщиковъ пьяныхъ и сонныхъ и убивали всѣхъ поголовно. Самъ Пугачевъ съ 1,000 конницы успѣлъ однако ускользнуть, но на дорогѣ онъ наткнулся на маіора Михельсона, сѣднившаго къ намъ на помощь съ отрядомъ въ 500 гусаръ; въ стычкѣ Пугачевъ потерялъ большую половину своего отряда и едва спасся съ его остатками; на нѣкоторое время послѣ этого онъ исчезъ

безвѣстно и вновь появился подъ Казанью только 2 мѣсяца спустя съ отрядомъ въ 20,000 человекъ, набраннымъ вновь изъ крестьянъ и татаръ, которые отовсюду къ нему стекались. Онъ овладѣлъ городомъ и сжегъ его, но не могъ взять крѣпости, защищенной каменною стѣною. Вскорѣ однако къ Казани подошли генералы Голицынъ и Суворовъ съ значительными силами, разбили мятежниковъ и выгнали ихъ изъ города; тогда Пугачевъ переправился черезъ Волгу и ушелъ по направленію къ Астрахани; въ погоню за нимъ отправились генералъ Суворовъ и майоръ Михельсонъ. Отряды мятежниковъ, дѣйствовавшіе отдѣльно отъ главнаго скопища, около Царицына, Екатериненбурга, Камышина и въ другихъ мѣстахъ, были также атакованы войсками, разбиты и разсѣяны. Жившіе тогда въ Казани поляки, и въ томъ числѣ панъ Пулавскій, староста черешинскій, предложили свои услуги правительству для защиты города противъ Пугачева; вслѣдствіе этого, немедленно послѣ усмиренія бунта, они были отпущены на родину. Въ то-же время четыре поляка, находившіеся въ составѣ оренбургскаго гарнизона, были оговорены въ томъ, будто они вели между собою переписку, въ которой высказывали намѣреніе бѣжать къ Пугачеву, въ случаѣ, если какой нибудь отрядъ мятежниковъ приблизится къ городу; вслѣдствіе этого обвиненія они, по приказанію генерала Деколона, подвергались наказанію плетьюми въ теченіи трехъ дней и затѣмъ освобождены были изъ подъ ареста. Послѣ выхода изъ Оренбурга генерала Деколона на его мѣсто пришелъ съ своимъ отрядомъ генералъ Станиславскій; узнавъ объ уюмянутомъ дѣлѣ, онъ приказалъ обвиненныхъ вновь арестовать, подвергнуть новому наказанію плетьюми и наконецъ повѣсить.

Между тѣмъ Пугачевъ съ незначительными силами скитался въ окрестности Астрахани; одни отряды войска преслѣдовали его, другіе старались его окружить для того, что-бы пресѣчь ему путь къ бѣгству; майоръ Михельсонъ преслѣдовалъ его особенно дѣятельно и не давалъ ему ни минуты отдыха. Въ это время татары, принявшіе сторону Пугачева, частью были истреблены, частью разбѣжались по домамъ и самъ Пугачевъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла.

Тѣмъ не менѣ эта внутренняя смута была тягостна для Россіи въ томъ отношеніи, что побудила ее прекратить войну съ Турціею, не смотря на самый успѣшный ходъ ея; съ Портою заключенъ былъ договоръ, который былъ подписанъ въ Силистріи графомъ Румянцевымъ и великимъ визиремъ; вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ о томъ, что-бы освободить и отпустить на родину всѣхъ плѣнныхъ турокъ, татаръ и волоховъ; такое-же распоряженіе послѣдовало и относительно поляковъ, къ несчастію оно не распространялось на тѣхъ, которые были зачислены въ военную службу. Вообще въ то время всѣхъ поляковъ въ плѣну находилась 9,800, изъ нихъ 5,600 были причислены къ арміи и лишены права возвратиться въ отечество, 356 разновременно умерли, 429 присоединились къ православію, остальные были отпущены на родину, вмѣстѣ съ маршалами своими, послѣ заключенія мира Россіи съ Турціею.

(Окончаніе слѣдуетъ).